

Обреченные на вечность и прозябание

Политическая погода Центральной Азии может меняться, иной раз существенно, но авторитарный «климат» все равно останется прежним | **АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО**

Установившиеся в Центральной Азии режимы за 20 лет существования прошли проверку на прочность. Речь идет даже не о режимах, а об одном, авторитарном режиме — в разных модификациях. Центральноазиатский авторитаризм пережил серьезные испытания — общественно-политическими потрясениями, исламским радикализмом, внутренней междоусобицей. Напомним выступления в Намангане узбекской исламской организации «Адолат» (1991 год), теракты в Ташкенте (1999 год), восстание в Андижане (2005 год), обвинение Назарбаева в коррупции — «казахгейт»¹, чуть не обрушивший его легитимность за рубежом (1999–2000 годы), длительную острейшую борьбу внутри «большой семьи» в Казахстане, попытку государственного переворота в Туркменистане (2006 год), революции в 2005 и 2010 годах в Кыргызстане.

Но повсюду авторитаризм доказал свою политическую состоятельность: устоял и обеспечил относительную стабильность в государствах. Ни в одной из стран Центральной Азии никому не удалось выдвинуть ему реальную и понятную обществу альтернативу. В некоторых странах имело место внутривластное (в том числе внутриаполитическое) противостояние, но оно не могло

закончиться успехом «либеральных» сил, поскольку они просто-напросто отсутствуют на политической карте региона. Но даже если бы каким-то чудом в какой-нибудь стране Центральной Азии у власти оказались политики, склонные к либерализму и демократии, в конце концов им все равно пришлось бы использовать все те же старые схемы удержания власти.

Центральноазиатский авторитаризм привычно подразделяют на жесткий и мягкий. К жесткому относят узбекский и туркменский режимы (при Туркменбаши этот режим не без основания именовался «неототалитарным»). К мягким — казахстанский, кыргызстанский и таджикистанский. Отличие второго типа авторитаризма от первого состоит в наличии относительной свободы прессы и неправительственных организаций. Многопартийность, которая номинально присутствует везде, кроме Туркменистана, не является признаком, позволяющим разделить режимы на мягкие и жесткие. В Узбекистане, Казахстане, Таджикистане многопартийность носит чисто декоративный характер, о чем наглядно свидетельствуют результаты выборов.

Мягкий и жесткий варианты — это разновидности одной формы правления, а

мягкость повсеместно трансформируется в жесткость. Тенденция ужесточения режима характерна и для «мягкого» авторитаризма Кыргызстана и Казахстана, и для авторитарного правления, которое установилось после гражданской войны (1992–1996 годы) в Таджикистане.

Основы авторитаризма в странах Центральной Азии

На чем основана центральноазиатская «вертикаль власти», построенная задолго до российской модели, провозглашенной Путиным?

Прежде всего, отметим, что эту вертикаль вообще не надо было выстраивать: она существовала здесь всегда и не прерывалась. Из общей картины выпадает Таджикистан, где в 1992–1997 годах шла кровавая гражданская война. Однако обе противостоящие стороны боролись отнюдь не за демократию, а за право выстроить собственную — национальную, светскую или исламскую — вертикаль власти. Наконец, это была война между регионами за установление своего контроля над страной. В то же время центральноазиатским правителям нужно было, во-первых, всячески укреплять властную вертикаль, чтобы избавляться от конкурентов, во-вторых, адаптировать ее к местной традиции, а в-третьих, формально придать ей демократическое обличье.

Все это и было успешно проделано местными кланами, оказавшимися у власти после распада Советского Союза. Успех был предопределен тем, что казахстанский президент Нурсултан Назарбаев, узбекистанский — Ислам Каримов и туркменистанский — Сапармурат Ниязов в качестве первых секретарей ЦК местных компартий пришли к власти еще в советское время (Назарбаев и Каримов заняли высший партийный пост в 1989 году, Ниязов — в 1985-м, а в 1990-м стал председателем Верховного совета Туркменской ССР). В Туркменистане полномочия первого президента Сапармурата

Ниязова прекратились в 2006 году лишь в связи с его кончиной, а сущность и принципы управления при его преемнике Гурбангулы Бердымухамедове остались неизменными. В 1990-м президентом Кыргызстана стал Аскар Акаев, совершивший прыжок в президентское кресло с должности главы Академии наук Киргизии. С одной стороны, приход на высший пост ученого оказался неожиданно, но с другой — по мере пребывания у власти Акаев также стал проявлять авторитарные наклонности. Едва ли можно было ожидать, что сразу после обрушения коммунистического строя начнется обустройство политического пространства по демократическому образцу. Новым президентам не пришлось завоевывать власть — они унаследовали ее, как и соответствующий аппарат, в том числе силовой, от советских структур, а в дальнейшем всю энергию тратили на удержание властных полномочий.

Оказавшись во главе независимых государств, центральноазиатские лидеры методически закрепляли собственную монополию на власть путем подавления конкурентов, заключения с ними соглашений, а также выступая посредниками между соперничающими кланами.

В Узбекистане сложился устойчивый межклановый консенсус (между ташкентцами, самаркандцами и бухарцами), из которого был, правда, исключен ферганский клан. Ислам Каримов блестяще манипулировал и манипулирует амбициями своих сторонников, контролирует ситуацию в собственной семье. Это особенно важно, поскольку внутрисемейные отношения, амбиции близких родственников вождя, а также раздражение, которое они вызывают у людей, оказывают значительное влияние на общую политическую ситуацию. Еще в 1990-е Каримов полностью устранил с политического поля светскую оппозицию — движение «Бирлик» и партию «Эрк». Лидер «Эрк», известный

узбекский интеллектуал Мухаммад Салих, был, по существу, единственным оппозиционным деятелем, который пользовался уважением в обществе и был способен всерьез конкурировать с Каримовым. (На президентских выборах 1991 года, по официальным данным, Салих получил 12,7 проц. голосов, по предварительной, впоследствии не повторявшейся информации Ташкентского радио — 33 проц., а по сведениям его сторонников, — свыше 50 процентов.)

Угроза Каримову исходила, особенно в 1990-е годы, от исламистской оппозиции, которая поначалу была представлена движе-

Павлодарской области; осужден в 2002 году), Мухтар Аблязов (бывший министр энергетики, индустрии и торговли; в 2000 году осужден на 7 лет), Жармахан Туякбай (спикер парламента в 1999–2004 годах).

Назарбаев одержал победу в тяжелой внутрисемейной борьбе, которая закончилась бегством из страны его зятя, мужа старшей дочери Дариги — Рахата Алиева. Заметим, что и сама Дарига некоторое время позиционировала себя как самостоятельный политик с далеко идущими претензиями.

Действия узбекистанского и казахстанского президентов отличались друг от друга

“Для Рахмонова ослабление жесткости оборачивается ослаблением власти: в Таджикистане остались силы, которые способны открыто оппонировать президенту”.

нием «Адолат», а затем Исламским движением Узбекистана (ИДУ) и Хизб ат-Тахрир аль-ислами² (ХТИ, Исламской партией освобождения). Потенциал исламистов остается сравнительно высоким и сегодня, но в целом Каримов, используя крайне жесткие меры против ИДУ и ХТИ, держит ситуацию под контролем.

В Казахстане президент действовал так же жестко, но допускал существование оппозиционных групп. «Он и его советники... начав экспериментировать с политическими реформами, быстро обнаружили, насколько трудно ввести в рамки устремления общества»³. За критиками Назарбаева стояли небольшие партии, так что в стране сложился своеобразный политический плюрализм, ограниченный президентской волей. Назарбаев «зачищал» элиту не спеша, зато целенаправленно, удаляя из нее своих соперников, многие из которых пользовались немалым влиянием в обществе. В разное время ему оппонировали такие влиятельные фигуры, как Акежан Кажегельдин (премьер-министр в 1994–1997 годах; в 1999-м покинул страну), Галымжан Жакиянов (аким

тем, что первый уничтожал в зародыше рост любого политического авторитета, в то время как второй давал возможность конкурентам проявить себя не только на административной стезе, но также в сфере «высокой политики». Постепенная концентрация власти и постоянное противоборство с оппонентами формировали основные черты мягкого авторитаризма, который оставлял оппозиции некоторую возможность для идейного и даже политического самовыражения.

Ниязов был практически «обречен» на победу. *Организованной* оппозиции в Туркменистане не существовало вовсе, попытки ее создать беспощадно пресекались; противники президента оказывались в тюрьме или эмигрировали, а трения между ним и его соратниками происходили на личностном уровне. Противники президента, например, премьер Назар Сууюнов, министр иностранных дел Авды Кулиев, решались выступить против него, лишь оказавшись за пределами Туркменистана. Общество оставалось крайне пассивным. Лишь однажды оппонент Ниязова отважился на действия внутри

страны: в 2002 году бывший министр иностранных Борис Шихмурадов со своими малочисленными соратниками предпринял попытку государственного переворота. Попытка провалилась, сам Шихмурадов попал в тюрьму, и судьба его неизвестна.

У Туркменбаши не было проблем и с семьей. Ни его сын Мурад, ни дочь политикой никогда не интересовались. Не сложилась в Туркменистане и исламская оппозиция. Так что преемник Ниязова Бердымухамедов унаследовал полностью подконтрольную систему, которую он лишь слегка «подкорректировал», келейно и безболезненно устранив из политики потенциальных конкурентов — спикера меджлиса Овезгельды Атаева и руководителя Службы охраны президента Акмурада Рэджепова.

Отличия Таджикистана и Кыргызстана в том, что здесь вертикаль власти изначально не была столь прочна, как в Узбекистане или Казахстане. Но предпосылки к авторитаризму в этих странах также присутствовали изначально, так что применительно к ним можно говорить об «отложенном» или «откладывавшемся» авторитаризме. Авторитаристская тенденция проявлялась и крепла всякий раз, когда для нее возникали минимально необходимые возможности.

Разразившаяся в Таджикистане гражданская война длительное время препятствовала установлению консолидированного, прочного режима. Однако после ее завершения в 1996 году пришедший к власти Эмомали Рахмонов (отказавшийся от русского правописания своей фамилии и ставший Рахмоном) начал действовать примерно так же, как и его центральноазиатские коллеги, то есть приступил к строительству авторитарной системы. Положение Рахмонова осложнялось тем, что в 1996–1997 годах ему пришлось неоднократно подавлять военные мятежи, а порой и идти на уступки мятежникам. На его жизнь дважды покушались — в 1997-м и 2001-м.

В послевоенных условиях давление на бывших противников из Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) было чревато новым обострением ситуации. К тому же крайне тяжелое экономическое положение грозило локальными волнениями (их ожидали, например, в 2007–2008 годах). Поэтому Рахмонов проводил политику «кнута и пряника», предоставляя одним участникам ОТО возможности для бизнеса, других (в крайне редких случаях) допуская к политической деятельности, но одновременно лишая возможности участвовать в принятии ключевых решений. Количество депутатов от оппозиции в итоге было сведено к минимуму, парламент стал полностью ручным. К 2006 году Рахмонову удалось «зачистить» политическое пространство, внести изменения в конституцию, в соответствии с которой он получал право занимать пост президента еще два семилетних срока *. В том же году он одержал победу на выборах, собрав 79,3 проц. голосов.

Для Рахмонова ослабление жесткости оборачивается ослаблением власти. Тем более что в стране остались силы, которые, почувствовав слабость, способны открыто оппонировать президенту. В 2009–2010 годах Рахмонов провел ряд военных акций по подавлению недовольства в стране, направлен-

* Неоднократно продлевали свои полномочия Нурсултан Назарбаев и Ислам Каримов. Впервые они сделали это «синхронно» в 1995 году и оба до 2000 года. 9 января 2000 года Каримов был вновь избран на пост главы государства. В 2002-м полномочия президента Узбекистана были продлены еще раз — с 5 до 7 лет. Очередные президентские выборы прошли в 2007-м. Назарбаев в 1999-м и в 2005-м избирался президентом Казахстана. В 2010 году Назарбаеву был присвоен многозначительный статус «лидера нации». В 2011-м была предпринята попытка сделать его пожизненным президентом Казахстана, однако в последнюю минуту он сам отказался от этой идеи. В 1993-м до 2002 года были продлены полномочия Сапармурата Ниязова, в 1999-м он был объявлен пожизненным президентом.

ные на ослабление оппозиционеров, прежде всего исламистских.

Зато сравнительно гладко обстоят дела в рахмоновской семье, где трения если и возникают, то ограничиваются сугубо материальными вопросами, так что глава семьи может быстро и безболезненно их разрешить.

Наиболее сложным путем авторитаризм складывается в Кыргызстане — единственном государстве региона, где успели возникнуть некоторые элементы демократии. В значительной степени это было обусловлено личностью первого президента страны Аскара Акаева, уникального «полуноменклатурного» политика, советского интеллигента, который, придя к власти, действительно был настроен на либеральный лад. (В 1991 году Киргизия была единственной советской республикой Средней Азии, отказавшейся признать ГКЧП, а ее тогдашний министр внутренних дел Феликс Кулов даже предпринял меры, чтобы избежать возможного военного вторжения на территорию республики.)

В стране действовала, по выражению Акаева, «зубастая и порой весьма агрессивная оппозиция»⁴. Однако и кыргызстанский авторитаризм, изначально мягкий, постепенно становился более ригидным. Подобно остальным президентам, Аскар Акаев выводил из политической игры своих оппонентов, однако использовал при этом преимущественно приемы дворцовой дипломатии. Мягкий авторитаризм Акаева привел к революции 2005 года, итогом которой стал очередной мягкий авторитаризм во главе с новым президентом Курманбеком Бакиевым. Бакиевский авторитаризм за пять лет хотя и «очерствел», но не смог обрести достаточно сил, в результате чего в 2010 году режим Бакиева пал в ходе «Второй кыргызстанской революции». К тому же Бакиев все более опирался на южный регион республики (члены бакиевской семьи — выходцы с юга), вследствие чего его авторитаризм имел «географи-

ческие» ограничения, а выступление против него в значительной степени носило характер противостояния между севером и югом.

Таким образом, в Кыргызстане авторитаризм так и остался непрочным — он дважды рождался и дважды же обрушивался. Как пишет отечественный исследователь Александр Верховский, «проблема неустойчивости мягкого авторитарного режима может решаться двумя способами. Первый вариант — восстановление демократических институтов... Второй вариант — переход в режим жесткого авторитаризма...»⁵. В Кыргызстане не случилось ни того ни другого.

Общей чертой обоих кыргызстанских авторитаризмов стала неспособность президентов контролировать амбиции членов семейного клана. Хотя причины обеих революций крылись в социально-экономических проблемах, главным внешним раздражителем для общества были именно президентские родственники, особенно бакиевские, которые, по распространенному в Кыргызстане выражению, «приватизировали страну».

Словом, в четырех из пяти центральноазиатских государств авторитаризм сумел подавить (или полностью уничтожить) оппозицию; избавившись от конкурентов, его лидеры получили полную свободу действий.

Кровавая гражданская война в Таджикистане, а позднее две революции в Кыргызстане, особенно последняя, приведшая к погромам в Оше и Джалал-Абаде, стали для правящих режимов в Центральной Азии серьезнейшим аргументом в пользу авторитарного правления. В 2010 году и политики, и эксперты видели главную причину кровавых событий в Кыргызстане именно в слабости власти, а в самой стране многие считают, что очередная «твердая рука» может помочь найти выход из тупика.

Будучи полновластными правителями, центральноазиатские авторитаристы заяв-

ляют о приверженности идеалам демократии. Туркменбаши: «Мы идем к созданию демократического светского государства, в котором будут гарантированы все права и свободы человека...»⁶. Ислам Каримов: «Мы строим гражданское общество. Это значит, что по мере становления нашей государственности многообразные функции управления будут передаваться самому народу, общественным органам самоуправления»⁷. Он же: «Формирование демократического государства с сильными социальными гарантиями — наша цель»⁸. Один из приближенных к

европейцы и американцы на самом деле отдают себе отчет в том, что им предлагается имитация демократичности, а то и просто обман, но готовы вежливо «обманываться». Они все чаще «прощают» своим центральноазиатским партнерам их авторитаризм (здесь показательно то, что Запад практически предал забвению андижанскую трагедию), принимая местные режимы такими, какие они есть, и выстраивают с ними отношения, исходя из собственных прагматических интересов.

Кое-какие внешние признаки демократии в странах Центральной Азии действительно

“Общей чертой обоих кыргызстанских авторитаризмов стала неспособность президентов контролировать амбиции членов семейного клана”.

власти узбекских аналитиков утверждает, что «с приобретением государственной независимости страны Центральной Азии выбрали либерально-демократическую модель политической культуры»⁹. Такое мнение полностью разделяет его коллега из Таджикистана, также входящий в административно-интеллектуальную элиту: «Несмотря на то, что в политических системах Центральной Азии просматриваются некоторые авторитарные элементы, практически во всех государствах региона де-юре существуют многопартийные системы и провозглашается приверженность демократическим принципам»¹⁰.

Формальные атрибуты демократии нужны центральноазиатским авторитаристам для того, чтобы продемонстрировать США и Европе, что они «десовветизировались», готовы к постепенному восприятию общечеловеческих ценностей и включены в процесс глобализации, неизбежность которой они осознают. Местные правители полагают, что таким образом они могут в большей степени расположить к себе Америку и Европу, в частности, добиться получения инвестиций и кредитов. При этом

присутствуют. Везде, кроме Туркменистана, существуют несколько партий, действуют неправительственные организации. В Казахстане, Кыргызстане (при Акаеве и Бакиеве) и даже в Таджикистане действуют оппозиционные партии, хотя они и не имеют сколько-нибудь серьезного влияния. Отмечены даже элементы свободы выражения, однако, за исключением Кыргызстана, свобода слова ограничена неформальной, а иногда и формальной цензурой.

Говоря о демократии, руководители центральноазиатских стран исходят из того, что на их территориях она имеет специфический характер: во-первых, она должна соответствовать национальным, религиозным (некоторые говорят, цивилизационным) особенностям общества, а во-вторых, демократия является, пусть и важным, но не главным приоритетом. Главный — стабильность и безопасность. Как говорил Туркменбаши, «демократия в чистом лозунговом виде, искусственно привитая на неподготовленной почве, родит охлократию. Мы бы не хотели получить ее взамен стабильности»¹¹.

Тем временем в самом центральноазиатском обществе либерально-демократические ценности воспринимаются двояко. С одной стороны, они ассоциируются с благополучием, в котором живут далекие, неведомые страны Запада. Интернет, кинофильмы, телевидение «из тарелок», рассказы тех, кто побывал в Европе и Штатах, особенно молодых людей, создают позитивное представление о западном мире. К тому же, в отличие от большинства российских обывателей, у жителей Центральной Азии, которые не имеют опыта демократических реформ, демократия не связывается с внезапным обеднением людей, политической нестабильностью. С другой стороны, демократические ценности воспринимаются как нечто далекое, недостижимое и уже потому чуждое. Тем не менее это «иное» в глазах значительной части населения, особенно молодежи, имеет свою привлекательность, и власть с этим считается.

Неподготовленность Центральной Азии к восприятию либерально-демократических ценностей и к формированию гражданского общества является важнейшим аргументом защитников авторитарной системы. По словам казахстанского исследователя Юрия Булуктаева, «одна из главных проблем, тормозивших выход на авансцену гражданских инициатив, заключалась в том, что в стране еще не сформировался реальный субъект гражданского общества, то есть личность, обладающая инициативой и достаточной экономической самостоятельностью, осознавшая свои гражданские, политические, социальные права, способная активно защищать собственные интересы на конституционно-правовой основе»¹².

Центральноазиатские режимы и национальная традиция

Авторитарным правителям в Центральной Азии важно показать соответствие, ответственность своего правления национальной

и религиозной традиции, которая провозглашается одним из главнейших регуляторов социальных отношений, служит консолидации общества и лежит в основе национальной идеи. Это соответствие для глав центральноазиатских государств важнее соответствия демократическим образцам; более того, необходимость действовать в рамках национальных традиций служит оправданием перед Западом крайне медленного продвижения к демократии, практически отсутствия всякого движения в этом направлении.

В поисках национальной идеи в этой части постсоветского пространства обращаются ко временам расцвета некогда существовавших здесь центральноазиатских династий, а также к реальным или мифическим фигурам истории. Для Узбекистана это хан Тимур (1336–1405 годы), для Таджикистана – правившая в IX–X веках династия Саманидов, для Кыргызстана – мифический батыр Манас, давший название знаменитому киргизскому эпосу, для Казахстана – создатель казахского протогосударства хан Аблай (XVIII век). Характерно высказывание одного из официальных узбекских ученых: «Подобно Великому Темуру, мы тоже охвачены стремлением построить государство великого будущего»¹³.

Поскольку в истории Туркменистана не удалось отыскать ни устойчивой государственности, ни великого вождя, в качестве символа величия и славы страны Сапармурат Ниязов предложил самого себя. Он принял титул Туркменбаши («отец туркмен») и выступил в качестве автора новейшего туркменского «эпоса» «Рухнама».

В сфере практической политики приверженность авторитаристов традиции выражается в первую очередь в утверждении доминирующей роли государства (то есть их собственной) во всех сферах жизни, а также приверженности семье, авлоду (большой семье), роду, клану. Приверженность тради-

ции обеспечивает патернализм, на котором строятся отношения государства и общества, государства и личности.

Всячески превозносится традиционная организация людей по месту жительства — община, городская махалля. «Все мы выросли в махалле, — говорит Ислам Каримов. — Мы должны сделать все возможное, чтобы авторитет махалли поднять на подобающую высоту, мы должны рассматривать этот вопрос не только как экономический, не только как социальный, а как политический, воспитательный, если хоти-

«система жузов (исторически сложившихся регионально-клановых объединений Казахстана. — А. М.) как уклад жизни надуманна. Нет такого уклада. Осталось родственно-территориальное деление казахов». Тремя строками ниже читаем: «Нет особого уклада жизни. Был период, когда военно-родовые союзы формировались таким образом. *Он проявляется в жизни и сейчас*» (курсив мой. — А. М.)¹⁵. Безусловно, сегодня жузовая система — это архаика, но что-то от нее все-таки осталось. Каждый казах знает,

“Национальная и религиозная традиция провозглашается одним из главнейших регуляторов социальных отношений и служит консолидации общества”.

те, как духовный вопрос»¹⁴. В Узбекистане, Таджикистане деревенская община и махалля рассматриваются как скрепы общества и опора стабильности. В Туркменистане власть поддерживает племенные традиции, а заодно и иерархию племен, самым многочисленным и сильным из которых являются текинцы. И первый, и второй президенты являются выходцами из этого племени.

В куда более урбанизированном и экономически продвинутом Казахстане традиции отводится меньшая роль. Начиная с 1930-х годов традиционные связи здесь подвергались систематической деформации и разрушению, а в советское время половину населения составляли славяне. Однако в южных, более исламизированных районах страны окрепли и сохраняются нормы традиционного устройства общества.

Существуют разногласия относительно роли традиционных структур в современной организации общества, причем иной раз противоречия присутствуют во взглядах одного и того же автора. К примеру, Акежан Кажегельдин, бывший премьер-министр Казахстана (1994—1997 годы), считает, что

к какому жузу он принадлежит, также о своей клановой и родовой принадлежности никогда не забывает ни узбек, ни таджик, ни киргиз. И это обстоятельство не может игнорировать ни один президент, который должен выступать в качестве посредника и поддерживать баланс между разными клановыми группами. Традиционные родовые связи — один из факторов, учитываемый при назначении на административные должности самых разных уровней.

Все президенты заявляют о своей приверженности к исламу. Особенно это характерно для Узбекистана и Таджикистана, где уровень религиозности населения наиболее высок. В других странах обращение власти к исламу носит преимущественно ритуальный характер, а также объясняется желанием развивать отношения с богатыми единоверцами (Турцией, Малайзией, странами Персидского залива). Еще одной причиной подчеркнутого внимания к исламу со стороны власти является его политизация, рост популярности исламских оппозиционеров.

В целом авторитаризм в Центральной Азии вписался в традицию и научился ею

манипулировать, используя ее как политический инструмент и источник официальной идеологии.

За 20 лет авторитарные режимы Центральной Азии получили тройную легитимизацию: 1) «силовую», поскольку доказали свою силу и эффективность; 2) юридическую, поскольку приняли конституции и, демонстрируя приверженность внешним атрибутам демократии, неоднократно побеждали на выборах; 3) традиционалистскую, поскольку подтвердили приверженность ценностям и общественному устройству, понятным и привычным для большинства

дятся в состоянии хронического кризиса. Политическая устойчивость режимов оборачивается стагнацией, отдача от проводимых реформ крайне незначительна.

Авторитарная власть в ее центральноазиатском варианте не способна найти выход из тяжелейшей ситуации. Потребность в политическом переустройстве становится все более очевидной.

Думается, верхи, во всяком случае какая-то часть элиты, это осознают, но ни за что не пойдут на перемены, связанные с риском потери собственного влияния. Они не умеют жить в условиях политической конкурен-

“Уже в первое десятилетие существования центральноазиатских государств авторитаризм пресек «либеральные» поползновения”.

сограждан. Кроме того, режимы смогли обеспечить стабильность — важнейшее условие жизни любой нации.

Однако, обеспечив прочность собственной власти и относительную устойчивость режимов, авторитарные правители Центральной Азии не смогли ни модернизировать экономику, ни качественно улучшить жизнь людей. Обещания превратить Туркменистан в Кувейт, Таджикистан и Кыргызстан — в Швейцарию, которые в 1990-е годы раздавали президенты и их советники, не оправдались. Даже обещание Туркменбаши, что к 2000 году каждая семья будет иметь телефон, дом, корову, осталось невыполненным¹⁶. Все меньше людей верят в «светлое будущее».

За исключением Казахстана, остальные страны региона продолжают жить в изнуряющей бедности. Несколько лучше положение в Узбекистане и в Туркменистане, где колоссальные, по местным масштабам, доходы от продажи газа позволяют обеспечивать скромные социальные льготы для населения. Кыргызстан и Таджикистан нахо-

дятся в состоянии хронического кризиса. Политическая устойчивость режимов оборачивается стагнацией, отдача от проводимых реформ крайне незначительна. Авторитарная власть в ее центральноазиатском варианте не способна найти выход из тяжелейшей ситуации. Потребность в политическом переустройстве становится все более очевидной. Думается, верхи, во всяком случае какая-то часть элиты, это осознают, но ни за что не пойдут на перемены, связанные с риском потери собственного влияния. Они не умеют жить в условиях политической конкурен-

ции, которая обязательно возникнет при «смягчении» режима. Пытаясь решить экономические вопросы, оставляя неизменной сферу политики, авторитарные правители заводят свои страны в тупик. Немалую роль играет здесь их «свита», которая часто сознательно дезинформирует «хозяина», сообщая ему о якобы постоянном улучшении экономического положения. Известен, например, такой забавный эпизод, когда перед посещением одним центральноазиатским президентом городского рынка торговцам приказали понизить цены на товары, переписав ценники. Сформировавшееся вокруг авторитарного правителя, выстроенное по кланово-семейному признаку, зацикленное на собственных корыстных интересах окружение не приспособлено к более свободной, конкурентной среде, требующей иных навыков и более высокого уровня профессионализма. Неслучайно многие квалифицированные кадры покидают свои страны, поскольку не могут найти себе должного применения в существующей авторитарной системе.

На словах все режимы объявляют главной задачей не только экономическую модернизацию и внедрение передовых технологий, но также и совершенствование политического устройства. При этом не говорится о том, что любое развитие — экономическое, а тем более политическое — неизбежно влечет за собой изменения сложившегося положения вещей, ибо главной ценностью всегда признается стабильность. Развитие должно происходить как бы само по себе, не нарушая установившийся распорядок жизни. Модернизация без коренных перемен — идеал авторитаристской идеологии, ярким выражением которого является тезис о «консервативной модернизации», сформулированный в России в 2009 году¹⁷.

Возникают два вопроса: движутся ли куда-то эти режимы? если да, то куда именно?

Первый вопрос связан с идеей транзита центральноазиатских стран, их перехода от советского бытия в политике, экономике, культуре и появления новой идентичности. В начале 1990-х конечная цель транзита казалась очевидной — создание национального государства. Из-за сложности стоящих перед ним задач государство виделось неизбежно авторитарным (без «твердой руки» не обойтись), но все-таки с некоторыми формальными атрибутами демократии — парламентами, многопартийностью, выборами, и перспективами — крайне туманными — последующей эволюции в либеральном направлении.

Однако уже в первое десятилетие существования этих государств авторитаризм пресек «либеральные» поползновения. (Транзит в либеральную неизвестность режимам был решительно ни к чему.) Авторитарные режимы на самом деле пытались проводить экономические и финансовые реформы, способствовать созданию малого и среднего бизнеса. Все это означало социально-экономический, но отнюдь не политический

транзит, попытку усовершенствования собственной авторитарной системы.

Здесь нужно отметить качественные отличия центральноазиатского авторитаризма, отягощенного советским тоталитарным наследием, от авторитаризма, к примеру, стран Восточной Азии, где экономические реформы постепенно приводили к политическим переменам. Казахский политолог Константин Сыроежкин задается вопросом, «каким образом авторитарный режим решает проблемы переходного периода и какие условия он создает для своей собственной эволюции? Если он решает задачу изживания колониального прошлого из общественной жизни своей страны, способствует сохранению достигнутого уровня социальной гетерогенности либо переходу к ней из фазы культурного, социального и структурного плюрализма, создает условия для формирования новых социальных страт и среднего класса в качестве основы общества, вырабатывает относительно эффективный механизм межэтнической интеграции, то его можно считать просвещенным авторитаризмом, имеющим тенденцию к демократической эволюции. Если этого нет либо указанные мероприятия осуществляются в отрицательном аспекте, то речь идет о марионеточном пронеоколониалистском режиме»¹⁸. Не пытаясь интерпретировать термин «пронеоколониалистский режим», отметим, что на свой манер Сыроежкин перечисляет компоненты *реального транзита*, в Центральной Азии отсутствующего.

Наиболее продуктивным для государств Центральной Азии могло бы явиться движение в направлении полуавторитарного режима. Такой «полуавторитаризм» существовал до недавнего времени во многих мусульманских странах, в частности, Египте, Алжире, Марокко и др. Там при общем контроле власти над политической обстановкой у оппозиции были возможности собирать заметное число голосов на выборах, принимать реаль-

ное участие в работе парламентов, обсуждать важнейшие политические решения, оказывая влияние на их принятие. Но в Центральной Азии движение в этом направлении не наблюдается.

«Арабская весна», свержение режимов в Египте, Тунисе (а к моменту, когда статья будет опубликована, быть может, в Ливии и Йемене), поставила вопрос о возможном влиянии этих процессов — или даже их распространении — на страны Центральной Азии. Это закономерный вопрос, поскольку налицо общие глубинные факторы — коррупция, экономический застой, крайне обострившаяся демографическая ситуация и т. д. Думается, однако, что влияние «арабской весны» на Центральную Азию крайне незначительно, а о свержении местных режимов на сегодняшний день вообще не приходится говорить. Не вдаваясь в детальные объяснения, хотел бы заострить внимание лишь на различиях в *качестве общества* в арабском мире и центральноазиатском регионе. Первые страны — пусть в ограниченной степени — все-таки имели доступ к западной политической культуре, вторые остаются в значительной степени заложниками советской эпохи. Идущая в авангарде «революций» арабская молодежь мобильнее, социализированнее, образованнее, чем ее центральноазиатские одногодки. Она настроена на конкретные перемены и готова пожертвовать во имя них стабильностью. Между тем в Центральной Азии перешедшая в стагнацию стабильность воспринимается едва ли не как главное достижение местных режимов. Последние, в свою очередь, скорее всего, используют «арабский бунт» как последний повод для того, чтобы испугать своих сограждан, и еще раз (как это было в годы гражданской войны в Таджикистане) убедить их в том, что дестабилизация в стране и в обществе чревата очень серьезными опасностями.

Американский специалист Марта Олкотт назвала свою книгу «Центральная Азия: второй шанс». По мнению автора, выход из нынешнего тупика состоит не в постоянном преодолении хронических кризисов, а в создании жизнеспособной современной модели, включающей не только экономические, но и политические компоненты. Но такая модель не была выстроена. Занимающийся экономикой региона Борис Румер делает заключение о конце транзита в Центральной Азии¹⁹.

Само понятие «транзит» зачастую трактуется односторонне: под ним подразумевается движение лишь в одном, так сказать, позитивном направлении, которое в итоге приведет к глубоким экономическим и социальным реформам, демократизации и т. д. Однако транзит может означать как модернизацию, так и движение вспять — ужесточение авторитаризма, демодернизацию экономики, ретрадиционализацию общества, в том числе культурную и идейную. Именно такой консервативный транзит происходит сегодня в Центральной Азии, за исключением разве что Казахстана, где сохраняется шанс для продвижения в ином направлении.

Ретрадиционализация является одной из доминирующих тенденций в Центральной Азии. (Аналогичная тенденция наблюдается и на российском Северном Кавказе.) Влияние традиционного фактора на общественные отношения сохранялось и при советской власти. Верхушка КПСС боролась с традиционализмом, но в то же время и использовала его: ключевые партийные и административные позиции распределялись в соответствии с относительным весом кланов и с учетом их частных интересов. После распада СССР, избавившись от «внешнего присмотра», кланы усилили свое влияние, а президенты новых государств взяли на себя роль медиаторов между ними. Управлять традиционным политическим механизмом было привычнее и удобнее. Такая схема в наи-

большей степени подходила к авторитарной модели, подстраивая авторитаризм к системе традиционных норм.

Утверждения об архаичном, «феодалном» характере общественных отношений и политических систем Центральной Азии стали общим местом. Эксперты говорят о том, что «кланово-земляческое влияние на все сферы общественной и политической жизни среднеазиатского общества — объективный эпохальный процесс»²⁰, о том, что «Туркменистан превратился в племенное государство классического восточного типа...»²¹.

связан почти исключительно с угрозой усиления там религиозного экстремизма.

Есть, конечно, и иное, более оптимистичное мнение, что «восточный тип политической культуры, существующий в Центральной Азии, одновременно обладает и некоторым числом устойчивых черт, и лабильностью, а потому может быть уверенно отнесен к переходному периоду. Эта культура объединяет в себе традиционное и современное начала»²². Эта позиция выглядит почти безупречной. Вопрос, однако, в том, каково на данный момент, в данном

“Модернизация окончательно переходит в разряд утопии, а сам центральноазиатский регион оказывается обреченным на превращение в глобальную периферию”.

Что нового в нынешней ретрадиционализации, или, как порой еще определяется этот феномен, архаизации либо демодернизации? На мой взгляд, новое — и крайне тревожное — явление в том, что нынешнее погружение в традицию в некоторых странах вплотную подошло к «точке невозврата». Социум деградирует, возникают непреодолимые препятствия на пути создания современного государства и становления гражданского общества. Происходит примитивизация экономики, которая бесповоротно становится сырьевой; падает качество труда, который, по выражению коллеги из Таджикистана, «становится средневековым». Стремительно снижается уровень образования, прежде всего технического. (Можно сказать, что оно компенсируется развитием образования религиозного.) Массово и безвозвратно «бегут мозги».

Модернизация окончательно переходит в разряд утопии, а сам центральноазиатский регион оказывается обреченным на вечное прозябание, превращение в глобальную периферию. Интерес к Центральной Азии будет

обществе соотношение между традиционным укладом и модернизационной эволюцией. Какова здесь динамика? Сегодня в Центральной Азии это соотношение явно в пользу первого, традиционного уклада. Альтернатива традиционности слаба в экономике, где практически отсутствует высокотехнологичный сектор. (Добыча газа в Туркменистане обеспечивает средства для прокормления людей, но отнюдь не стимулирует модернизационный процесс. Этим Центральная Азия отличается от стран Персидского залива, где разумное использование нефтедолларов действительно привело к изменению облика региона, сохранив разумный баланс между традицией и современностью.) Альтернатива традиции в политике, которая проявляется в существовании партий, в выборах, на деле чисто формальна. Авторитарные режимы являются именно традиционными, а ретрадионализация еще более способствует их укреплению. Публично признать, что гипертрофия традиции опасна для государства, не может и не хочет ни один лидер.

Президенты и их соратники говорят о поисках синтеза современности и традиции; это эффектно звучит, но по существу представляет собой апологию традиции. «Прошло уже более пятнадцати лет с тех пор, как центральноазиатские государства стали независимыми, но за это время они так и не смогли создать политические институты, которые могли бы считаться демократическими или обеспечивали бы передачу власти таким способом, который общество считало бы легитимным»²³. Нежелание власти двигаться в этом направлении сопровождается усилением традиции, которая становится все

В кыргызской этнической среде совокупность неформальных институтов получила наименование “кыргызчылык”. Нечто подобное есть у наших соседей, например, у казахов это называется “казакшылык”²⁵.

Та же ситуация складывается и в остальных центральноазиатских обществах, где она выражена еще ярче. Традиционные институты подменяют собой, имитируют «на восточный манер» гражданское общество, но не способны выполнять его главные функции. Такова, например, подконтрольная государству махалля, и, по справедливому замечанию Ирины Звягельской, «наивными представ-

“Идея исламской альтернативы обретает новых приверженцев — религиозная утопия особенно привлекательна, когда доверие к власти падает”.

более агрессивной. Она превращает современные институты в пустую формальность и делает их неэффективными: «Существующая патерналистско-клановая система нивелирует все общественные объединения, в том числе политические партии, — пишет Айгуль Омарова. — При этой системе политические партии встроены в нее...»²⁴. А значит, бессильны.

Бывший министр иностранных дел Кыргызстана, исследователь Мурат Иманалиев, рассуждая о роли и уместности обращения к традиции для обновления общества, замечает, что «кочевничество, исламизм и советскость не могут быть синтезированы в нечто новое на их основе — они могут лишь сосуществовать». Но именно эти источники «провоцируют базовые линии этнической поведенческой культуры». На этом фундаменте возникают неформальные институты, которые «имеют безусловное и непосредственное влияние на формирование самоидентификационных моделей кыргызского этноса. В первую очередь элит.

ляются попытки малознакомых с ситуацией людей представить махаллю как зародыш гражданского общества»²⁶.

В суждении Иманалиева обращает на себя внимание то, что, перечисляя векторы традиции, он в тот же ряд ставит «советскость». Такой подход многим может не понравиться, но в Центральной Азии среднее и старшее поколение воспринимает «советскость» (несмотря на ее атеистический характер) как органическую, пусть и недавно сформировавшуюся часть местной традиции. Старая и новая традиция оказываются совместимы. У простых людей старшего поколения сохраняется память о Советском Союзе, но параллельно идет процесс ретрадиционализации*.

* Зато против памяти о Советском Союзе борется власть, которая рассматривает эту память как своего рода конкурента для обновленной национальной традиции. Разрушаются памятники советской эпохи, связанные с Великой Отечественной войной, а также те, которые напоминают о совместной жизни русских и «коренных» жителей.

коллективистским ценностям и патерналистские настроения, которые умело поощряла и пропагандировала советская власть. Именно государство в лице его московских и республиканских вождей обеспечивало существование, которое воспринималось как спокойное и благополучное. И СССР, и империя Тимура были сильными и процветающими. Жестокость и Тимура, и большевиков выглядит вполне оправданной: их целью было построение великого государства. Но в обоих случаях — и в Средневековье, и в недавнем прошлом — модернизация в конечном счете оказалась тупиковой.

Исламский фактор

Важнейшим аспектом ретрадиционализации является усиление роли ислама — как политического фактора и как одного из регуляторов общественных отношений. Значение ислама возросло на всем пространстве Центральной Азии, но заметнее всего в Узбекистане и Таджикистане, население которых всегда было более исламизировано, чем у соседей.

Главной причиной политизации ислама является то, что в отсутствие светской оппозиции протестные настроения находят выражение в религиозной форме. В регионе действуют несколько оппозиционных исламистских группировок: Исламское движение Узбекистана, Хизб ат-Тахрир аль-ислами (ХТИ), Партия исламского возрождения Таджикистана, более мелкие группировки. Всех их объединяет одна стратегическая цель — замена нынешних режимов на исламский, будь то халифат или исламское государство на национальной основе. «Можно ли следовать Исламу, возрождать исламский образ жизни и поднять исламский призыв и джихад на мировой уровень без Исламского государства халифат?» — гласит одна из листовок ХТИ.

Между тем идею исламского государства в данном регионе невозможно реализовать

ни в форме халифата, ни в какой-то иной: не всех граждан центральноазиатских республик такое государство устраивает, да и внешние силы резко воспротивились бы его появлению. Однако борьба за создание исламского государства, которую ведут радикальные исламистские организации и движения, и поддержка подобных организаций со стороны части населения давно стали устойчивой тенденцией. Точное количество членов исламистских групп неизвестно, как и число тех, кто им симпатизирует. В качестве косвенных данных можно привести количество сторонников ХТИ, находящихся в узбекских тюрьмах (5–7 тыс. человек), а также регулярные судебные процессы над исламистами. Судя по этим данным, число сторонников исламистских организаций велико и продолжает увеличиваться по мере роста разочарования в режимах, которые находятся у власти. Идея исламской альтернативы обретает новых приверженцев, поскольку религиозная утопия всегда привлекательна, особенно когда ситуация приближается к критической, а доверие к власти падает. По существу, исламисты предлагают переход к исламской системе, в которой не существует разрыва между правителем и обществом (мусульманской общиной) и которая основана на принципе социальной справедливости.

В среде оппозиции присутствует и экстремистское крыло, действующее террористическими методами и связанное с зарубежными единомышленниками — «Аль-Каидой» и движением «Талибан». Это способствует проникновению в Центральную Азию экстремистской квазиталибской идеологии.

Оппозиция является объектом систематического преследования, ее участники, а зачастую члены их семей подвергаются арестам и иным формам давления. Однако опыт показывает, что борьба с радикалами-исламистами исключительно силовыми мето-

дами окончательной победы не приносит и власти приходится действовать более гибко. Во-первых, не избежать неофициального диалога с исламистами. В 1990-е годы такой диалог стал главным условием прекращения гражданской войны в Таджикистане. В скрытой форме диалог происходит и в Узбекистане. Несмотря на категорический отказ верхов признавать ХТИ и исламистскую группировку «Акромия» политической оппозицией, чиновники среднего и низшего уровня, в том числе и в силовых структурах, негласно общаются с исламистами, а по неофициальной информации, разделяют некоторые их взгляды.

Во-вторых, сама правящая элита должна активно действовать на «исламском поле»: президенты и их приближенные соблюдают обряды, участвуют в религиозных празднествах, совершают хадж в Мекку. Президенты стремятся быть не только политическими лидерами, но и своего рода идейными, или духовными, вождями. Совмещение политического и духовного лидерства предполагает, что светский политик наделен правом интерпретировать религиозные тексты. Ни Каримов, ни Назарбаев этим не пользуются, но президент Таджикистана Рахмонов дерзает вступать в сферу богословия. Так, в 2009 году он произнес обстоятельный «теологический» доклад на конференции «Наследие имама Абу Ханифы и его значение в межкультурном диалоге». Абу Ханифа — основоположник ханафитского мазхаба (богословско-юридического толка), который сегодня усиленно распространяется в этой стране. В то время в Таджикистане ходили слухи, будто в окружении президента муссируется вопрос о его готовности стать имамом, что означало бы сосредоточение в его руках светской и духовной власти. Впрочем, дальше слухов дело не пошло.

Уязвимым местом политиков и чиновников является их коммунистическое, атеисти-

ческое прошлое, не соответствующее нормам ислама поведение в быту (употребление алкоголя), формальное отношение к обрядности. И конечно, погрязшая в коррупции бюрократия давно предала забвению социальную справедливость, декларируемую со времен пророка Мухаммада.

Главными объектами борьбы между властью и оппозицией являются мечети и медресе, шире — система исламского образования. Большинство мечетей контролируется государством, однако есть немало храмов (точное число неизвестно, но счет идет на сотни и тысячи), где имамы пытаются сохранить самостоятельность, где работают неофициальные проповедники, проповеди которых отличаются от официальных. В этих мечетях служат «неортодоксальные» имамы, пользующиеся высоким авторитетом среди верующих, особенно среди молодежи. Мечеть в исламе это не только религиозное учреждение. Она всегда была и остается общественно-политическим центром, где обсуждается все происходящее в мусульманской общине, в мусульманской стране. От того, на чьей стороне мечеть, зависит стабильность государства, прочность его правителя. Наиболее актуальна эта проблема для Узбекистана и Таджикистана и особенно остра для «исламского сердца» — Ферганской долины, от положения дел в которой зависит стабильность во всем регионе. Игнорировать мечеть невозможно даже в Казахстане, особенно в его южной части, где ее позиции как социально-политического центра становятся все более влиятельными.

Что касается религиозного образования, то власти повсеместно открывают исламские институты; большинство медресе взято под государственный контроль. При этом в регионе параллельно действует неофициальная система обучения, в которую вовлечены десятки тысяч мусульман. Благодаря ей молодые верующие знакомятся с иными, в том

числе фундаменталистскими, салафитскими толкованиям ислама. Наставниками в подобных учебных заведениях часто работают молодые люди, окончившие университеты в Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ, других мусульманских странах. Эти учителя не только привозят в Центральную Азию иные трактовки ислама, но и оказываются связующим звеном между местными мусульманами и их радикально настроенными единоверцами за рубежом. Здесь исламисты готовят своих единомышленников.

«Деградация Киргизии и Таджикистана может вступить в завершающую фазу...» В Узбекистане «нынешняя элита не может предложить новые варианты социально-экономической и политической стратегии... Угроза политической дестабилизации будет возрастать, что помимо неминуемой исламизации конфликта вызовет массовую миграцию». «Кризисные явления будут нарастать в Туркмении». Правда, «лидером трансформации останется Казахстан, где продолжится политическая модернизация с целью закре-

“Де-факто светский авторитаризм противостоит исламистам, которые претендуют на спасение людей от бедности и несправедливости”.

Существует вечное противостояние между де-факто светским авторитаризмом и исламистами, которые претендуют на спасение людей от бедности и несправедливости. Власть, неспособная разрешить главные проблемы общества, будет постоянно сталкиваться с протестом в религиозной форме. (Сегодня это справедливо и в отношении Киргизии, где еще недавно угроза исламизма была не так велика, как в других странах региона: кто бы ни пришел к власти в Бишкеке, ему неизбежно придется иметь дело с усилившимся и набравшимся опыта исламским радикализмом.)

Но если авторитаризм не может избавить себя от религиозной оппозиции, то и у исламистов в ближайшее десятилетие вряд ли хватит сил для свержения нынешней политической системы и замены ее на «исламское государство».

В 2007 году несколько московских аналитических центров (Совет по внешней и оборонной политике, Высшая школа экономики, РИО-Центр) подготовили прогноз, как будет выглядеть мир в 2017 году. Для Центральной Азии этот прогноз выглядит удручающе.

пить власть в руках тщательно отсортированного политического класса»²⁷.

С одной стороны, повода для оптимизма (Казахстан — исключение, хотя и не беспорочное) не остается. Но с другой — какие бы спорадические катаклизмы ни сотрясали регион, авторитаризм уцелеет и вряд ли существенно эволюционирует. Достаточно взглянуть на минувшее десятилетие, чтобы в этом убедиться. Предпосылок для кардинальных перемен не наблюдается.

В Туркменистане смена правителя уже произошла. В Узбекистане и Казахстане она ожидается. В Киргизии происходит. Некоторые возлагают особые надежды на приход к власти качественно новых лидеров, на обновление элит. Однако «не следует чрезмерно персонифицировать правящие режимы»²⁸. В зависимости от личности правителя авторитаризм может быть относительно мягким или жестким, но он останется авторитаризмом. Его эволюция к «полуавторитарному» правлению или, допустим, к полиархии пока невозможна.

Систематическое воздействие внешнего фактора может оказаться источником перемен, но на сегодня этот фактор незначителен

и непостоянен. США и Европа отказались от вмешательства в политические дела центральноазиатских стран, тем более от их демократизации. Национальное строительство (в Центральной Азии) не было их приоритетом²⁹. Спустя несколько лет после событий в Андижане это особенно очевидно.

К тому же в мусульманском мире демократией с большим успехом смогут воспользоваться отнюдь не демократы, а исламские радикалы, чему в последние годы было немало ярких свидетельств.

России также не нужны политические перемены в регионе. В Москве надеются, что никаких либерализационных новаций в регионе случиться не может. Либерализация внутренней политики в центральноазиатских

государствах является для Москвы знаком их отхода от России и сближения с Западом, как это случилось в середине 1990-х на Украине и в Грузии. Москва продолжает оказывать содействие близким ей авторитарным режимам, даже несмотря на их отказ выступить в поддержку России в ее войне с Грузией и признать независимость Абхазии и Южной Осетии.

Можно допустить, что уход некоторых президентов и приход их преемников будет сопровождаться конфликтами, появлением нескольких новых, непривычных политических фигур, ожиданиями глубоких перемен. Политическая погода Центральной Азии может меняться, иной раз существенно, но авторитарный «климат» все равно останется прежним. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ В 1999 году американский юрист, бывший советник президента Казахстана Нурсултана Назарбаева Джеймс Гиффен был обвинен и судим за дачу взяток в несколько миллионов долларов США руководителям Казахстана, включая президента, за право доступа к нефтяным месторождениям страны. Когда афера вскрылась, Департамент юстиции США принял решение конфисковать 84 млн долларов с принадлежащего Министерству финансов Казахстана счета в швейцарском банке «Пикте и Си». Впоследствии по договоренности с американскими властями Казахстан отказался от претензий на изъятую со счета его Минфина сумму, которая была затем переведена в фонд помощи казахстанским детям «Бота». Это было расценено как косвенное признание в совершенном коррупционном преступлении.

² В отличие от большинства российских авторов я пользуюсь написанием ХТИ, идущим от арабского языка. Сама эта партия возникла в Иордании в 1954 году.

³ *Olcott M. B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise.* Wash., DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 87.

⁴ *Акаев А. Пмятное десятилетие.* Бишкек, 2001. С. 462.

⁵ *Верховский А. Энтропия растет. Вместо введения: Демократия вертикали.* М.: Центр «Демос»; Центр «Сова», 2006. С. 8–9.

⁶ Туркменистан: Стабильность, реформы, нейтралитет. Ашхабад, 1996. С. 49.

⁷ Родина священна для каждого. Ташкент: Узбекистон, 1995. С. 176.

⁸ *Каримов И. Стабильность и реформы.* М.: Паляя, 1996. С. 308.

⁹ *Шамолов А.А. Политическая культура в Центральной Азии: традиция и модернизация // Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. Материалы международной конференции в Душанбе, 16–17 января 2009. М., 2009. С. 36.*

¹⁰ *Ахмедов Д. Специфика развития многопартийности в Центральной Азии и ее влияние на политическую культуру (на примере Республики Таджикистан) // Вестник Таджикского национального университета. 2009. № 2. С. 115.*

¹¹ Туркменистан: Стабильность, реформы, нейтралитет. С. 32.

¹² *Булуқтаев Ю. О. Проблемы формирования гражданского общества в контексте глобализации демократических процессов // Казахстан в условиях глобализации: Философско-политологический анализ. Алматы, 2006. С. 291.*

¹³ *Искандеров И.* Амир Темури и созвучие времен. Тезисы международной конференции «Амир Темури и его место в мировой истории». Ташкент, 1996. С. 40.

¹⁴ Родина священна для каждого. С. 75.

¹⁵ *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. Лондон, М., 2000. С. 142–143.

¹⁶ *Кадыров Ш.* О том, что должно уйти // Эркин Туркменистан. № 7. Апр. 2001. С. 20.

¹⁷ См. доклад партии «Единая Россия» «Консервативные модернизации в странах “большой восьмерки”» (<http://old.er.ru/er/text.shtml?20/0854,111110>).

¹⁸ *Сыроежкин К.Л.* Государственность и этничность: проблемы и приоритеты развития Республики Казахстан // Государство и общество в странах постсоветского Востока: История, современность, перспективы. Материалы международной конференции. Алматы, 1999. С. 143.

¹⁹ *Румер Б.* Центральная Азия. Конец транзита // Специальное приложение к журналу «Эксклюзив». Алматы. Окт. 2004. Сходное заключение, но уже применительно к России, сделала Лилия Шевцова: страна, по ее мнению, «застряла в транзите». См.: *Shevtsova L.* Russia — Lost in

Transition: The Yeltsin and Putin Legacies. Wash.: Carnegie Endowment for International Peace, 2007.

²⁰ *Кадыров Ш.* Российско-туркменский исторический словарь. Берген, 2001. С. 359.

²¹ *Лаумулин М.* Туркменский феномен // Экономические стратегии — Центральная Азия. 2006. № 2. С. 71.

²² *Наушкин В.В.* Структурные элементы политической культуры: Тезисы // Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии. С. 23.

²³ *Olcott M. B.* Central Asia's Second Chance. Wash., DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. P. 229.

²⁴ *Омарова А.* К политической модернизации на деле, а не на словах?.. // Правила Игры. 2007. № 2. Март. С. 31.

²⁵ *Иманалиев М.* Сборник статей о Центральной Азии. Бишкек, 2008. С. 154.

²⁶ *Звягельская И.* Становление государств Центральной Азии. М.: Аспект-Пресс, 2009. С. 44.

²⁷ Мир вокруг России: 2017: Контуры недалекого будущего. М., 2007. С. 130.

²⁸ *Румер Б.* Центральная Азия. Конец транзита. С. 2.

²⁹ *Olcott M. B.* Central Asia's Second Chance. P. 229.